

A detailed illustration of a young woman with long brown hair, wearing glasses and a white lab coat. She is holding a glass flask containing a glowing blue liquid. The background is a deep space scene with galaxies, stars, and various scientific diagrams like molecular structures and graphs. The overall color palette is dominated by blues and purples, with warm highlights on the woman's face and the glowing liquid.

Елена К.

**«Тени, которые
считают пульс»**

Елена К.

«Тени, которые считают пульс»

«Автор»

2026

К. Е.

«Тени, которые считают пульс» / Е. К. — «Автор», 2026

Она (Марина) носила Венец из двенадцати звёзд — не как корону власти, а как напоминание о цене. Книга обращена к древним образам: к Жене, облечённой в солнце, к рукавицам Тора, к границе между светом и тьмой и.т.д. Марина стояла там, где реальность готова была рассыпаться, и держала линию обороны. Мистический триллер с мифологическими мотивами, где каждый символ — это выбор. Для тех, кто ищет в фэнтези не только приключения, но и смысл. В Камнеграде даже тьма, сдаёт смену с оговорками. Марина и её команда — Ира, Астроном, Цербер, неутомный Фэйри (темный эльф) — держат город на смеси науки, мифов и взаимной поддержки. Когда голос Никты(Богини тьмы) затихает, оставляя Марину сильнее, чем раньше.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава о совпадениях	5
Глава 1. Ошибка в данных	6
Глава 2. Обычный кофе, странный день	9
Глава 3. Тень, которая не двигается	12
Глава 4. Никта: один слог	14
Глава 5. Цербер на пороге	16
Глава 6. Протокол без подписи	19
Глава 7. Сон, который помнит факты	22
Глава 8. Первая пропажа	25
Глава 9. Научный спор с мистикой	28
Глава 10. Цербер объясняет, что серьёзно	31
Глава 11. Голос в вентиляции	34
Глава 12. Подвал, который не числится	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена К.

«Тени, которые считают пульс»

Глава о совпадениях

Все совпадения случайны.

(Ну, по крайней мере, официально мы обязаны так написать. Отдел паранормальных юридических рисков настаивает.)

Но если вдруг ты узнаешь в Камнеграде свой город — не паникуй. Скорее всего, это просто улочки хитро перестроились, чтобы тебя удивить. А если узнаешь себя в Марине... ладно, не будем забегать вперёд.

Здесь фонари зажигаются сами, улицы иногда сворачивают не туда, а легенды имеют привычку шептать прямо в ухо — и не всегда вежливо. Так что если посреди обычного дня реальность вдруг мигнёт, как старая лампочка, — просто кивни и скажи: «Ага, опять Камнеград».

Это не сбой. Это местный колорит.

И да, если ночью тебе послышался звон обсидиановых звёзд — это не бессонница. Это музей напоминает, что он на страже.

Пусть эта история будет просто историей. Честно-честно.

Глава 1. Ошибка в данных

Лаборатория биофизики 3 пахла озоном, кофе и лёгкой обречённостью — фирменный аромат любого места, где наука пытается победить реальность, а реальность пока выигрывает.

Марина Алексеевна Калмыкова, старший научный сотрудник и главный скептик этажа, смотрела на монитор так, будто он лично её оскорбил. На графике температуры по оси Y уверенно ползла вниз линия, рисуя почти идеальный обрыв. Минус два градуса. В помещении, где термометр на стене показывал стабильные двадцать три.

— Это не физика, это издевательство, — пробормотала Марина и постучала пальцем по экрану. Не помогло.

Она перевела взгляд на сам датчик — аккуратный чёрный цилиндр на штативе. Всё подключено, зелёный индикатор горит, данные идут. Но данные врут. Или... не врут?

Марина достала из ящика стола свой секретный инструмент проверки реальности — обычный спиртовой термометр. Тот самый, который она купила в аптеке после случая с глючным гигрометром и с тех пор носила как талисман против цифровой лжи.

— Ладно, давай честно, — сказала она термометру, будто тот мог возразить. — Кто из вас врёт: ты или система?

Термометр, верный своей природе, молчал. Зато через минуту показал двадцать три и две десятых. Марина вздохнула.

— Значит, система. Опять.

В этот момент из динамика системы оповещения раздался бодрый голос завхоза:

— Внимание, всем сотрудникам! Сегодня в столовой котлеты с сюрпризом!

Марина хмыкнула.

— Сюрприз у меня уже есть. И он на графике.

Она открыла журнал ошибок и вписала: «Расхождение показаний датчика T12 и контрольного термометра. Вероятная причина: сбой калибровки/отказ сенсора/злой умысел вселенной». На слове «вселенная» она чуть помедлила и добавила в скобках: «Маловероятно, но не исключено».

Пока она печатала, на экране всплыло уведомление: «Аномалия: температура ниже порога стабильности. Рекомендация: проверить герметичность контура».

— Контур у нас не в вакууме, а в Приозёрске, — пробурчала Марина. — Тут даже сквозняк — это уже климатическое событие.

И тут в углу экрана мелькнуло что-то странное. Не системное сообщение, не окно обновления. Просто одно слово, будто кто-то невидимый напечатал его поверх интерфейса: «Никта».

Марина моргнула. Слово исчезло.

— Ага. Теперь ещё и галлюцинации в интерфейсе. Полный комплект.

Она потянулась к кнопке перезагрузки, но в дверях появился Цербер — не мифологический пёс, а вполне реальный человек с лицом, которое будто говорило: «Я видел вещи, после которых кофе кажется слишком простым удовольствием».

— Что-то горит? — спросил он, оглядывая комнату с профессиональной подозрительностью.

— Пока только моя вера в стабильность физических констант, — ответила Марина. — Датчик температуры показывает минус два. В тёплой лаборатории.

Цербер не удивился. Он вообще редко удивлялся.

— А котёл работает?

— Котёл работает. Вентиляция работает. Я работаю. Только датчик сошёл с ума.

Цербер подошёл, посмотрел на график, потом на Марину.

— Ты это уже проверяла контрольным термометром?

— Конечно.

— И?

— Двадцать три и две.

— Значит, датчик.

— Логично, — согласилась Марина. — Но знаешь, что самое неприятное? Он не просто врёт. Он врёт красиво. С градиентами и статистической значимостью. Как будто хочет, чтобы я ему поверила.

Цербер хмыкнул.

— Тогда не верь. Выпиши его из эксперимента.

— Нельзя. Это опорный датчик. Без него вся серия данных летит.

— Тогда замени.

— У нас нет запасного.

— Будет.

Он достал из кармана небольшой прибор, похожий на брелок, и протянул ей.

— Держи. Временный. Пока не пришлют новый.

Марина взяла, повертела в руках.

— Это... что?

— Датчик. С автономным питанием. И с защитой от всего, включая плохое настроение вселенной.

Марина приподняла бровь.

— Звучит подозрительно научно.

— Он прошёл проверку в местах, где наука иногда сдаётся, — спокойно ответил Цербер.

Марина подключила новый датчик, запустила синхронизацию. На экране появилась ровная линия — двадцать три и одна. Стабильно.

— О, смотри, он вежливый. Не пытается меня напугать.

Цербер едва заметно улыбнулся.

— Я же сказал: с характером.

Пока система обновляла данные, Марина снова заметила в углу экрана то самое слово: «Никта». На этот раз оно задержалось чуть дольше, будто ждало, заметит ли она.

Марина прищурилась.

— Слушай, а у тебя в этом датчике случайно нет встроенного генератора случайных слов?

Цербер посмотрел туда, куда она указывала. Ничего не увидел.

— Нет. А что?

— Да так. Кажется, лаборатория начала с нами разговаривать.

— Пусть лучше говорит цифрами, — сказал Цербер. — Слова я не люблю.

Марина сохранила данные, закрыла окно и потянулась. В этот момент телефон тихо пискнул: пришло письмо с темой «Эрешкигаль». Отправителя не было. Только адрес: `no-reply@internal`.

— Ну вот, — сказала Марина, глядя на экран. — Теперь ещё и почта сошла с ума.

Цербер нахмурился.

— Не открывай.

— Почему?

— Потому что если тема письма — имя древней месопотамской богини, а отправителя нет, то это либо ошибка, либо приглашение в неприятности.

— А если это просто рассылка от архива? — возразила Марина.

— Тогда в теме было бы «Новый каталог» или «Изменение графика уборки».

Марина на секунду замерла, а потом всё-таки открыла письмо. Внутри был один абзац:

«Температура — это не только энергия частиц. Иногда это память о холоде».

Ниже — файл без расширения.

Марина посмотрела на Цербера.

— Это что, поэзия от техподдержки?

— Это повод сделать резервную копию данных и не трогать файл, — твёрдо сказал он.

Но Марина уже щёлкнула по файлу.

Ничего не произошло. Файл не открылся. Просто исчез. А на его месте в журнале регистрации появился странный штамп: «Доступ: разрешён. Уровень: неизвестен».

Марина медленно закрыла крышку ноутбука.

— Знаешь, — сказала она, — я хотела сегодня просто закончить серию измерений и уйти домой.

— Бывает, — кивнул Цербер. — Но иногда лаборатория решает, что у неё свои планы.

Марина вздохнула, достала свой блокнот и на чистой странице вывела аккуратным почерком:

«Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — я хочу премию за открытие новой физической константы».

И под этим приписала:

«И отпуск. Желательно на экваторе».

Глава 2. Обычный кофе, странный день

Столовая научного кластера пахла так, будто кто-то пытался сварить одновременно борщ, какао и надежду на лучшее. Марина поставила поднос на стол рядом с Ирой — младшим лаборантом, у которой энтузиазм всегда опережал осторожность, а легенды росли быстрее, чем плесень в чашке Петри.

— Ты слышала? — Ира понизила голос до уровня «это государственная тайна, но я всё расскажу». — На четвёртом этаже опять что-то скребётся.

Марина откусила бутерброд и посмотрела на коллегу с терпеливым скепсисом.

— Это называется плохая вентиляция, — повторила она свою коронную фразу. — Или кот завхоза. Он везде пролезает.

Ира не сдавалась.

— Да какой кот! Там двери сами закрываются. И свет мигает. А в журнале дежурств кто-то ручкой вывел: «Не возвращайтесь».

— В журнале дежурств у нас Коля пишет: «Устал. Хочу домой». Почерк похожий.

Ира вздохнула, будто Марина разбила ей не теорию аномалий, а мечту детства.

— Ну вот ты всё сводишь к бытовухе. А там реально что-то происходит. Говорят, ещё в девяностых на этом этаже проект вели... ну, такой, секретный. И все, кто участвовал, потом уволились. Или пропали.

— Или вышли на пенсию и уехали в деревню выращивать огурцы, — спокойно добавила Марина. — Это тоже считается «пропали» в академической среде.

Ира закатила глаза, но тут же снова наклонилась вперёд, будто хотела передать тайну через силу убеждения.

— А ещё говорят, что там есть комната, которой нет на планах.

— Ага. И в ней сидит призрак бывшего заведующего, который до сих пор проверяет отчёты.

Ира хихикнула, но быстро вернула серьёзное лицо.

— Ладно, ладно. Но ты просто будь осторожна, если туда пойдёшь.

— Я туда не пойду, — заверила Марина. — У меня план: закончить серию измерений, проверить калибровку, не сойти с ума до конца недели. Четвёртый этаж в него не вписывается.

Она взяла стаканчик с кофе и сделала осторожный глоток. Глаза слегка расширились.

— О. Это не кофе. Это вызов на дуэль.

Ира усмехнулась.

— Зато бодрит. Говорят, если выпить три таких, начинаешь видеть закономерности даже в пятнах на потолке.

— Мне и одного хватает, чтобы видеть закономерности, — пробормотала Марина. — Просто они обычно статистически незначимые.

В этот момент телефон в кармане тихо пискнул. Марина достала его, не ожидая ничего хорошего: в её мире уведомления обычно означали либо «сервер упал», либо «срочно нужен отчёт», либо «кот сел на клавиатуру и отправил письмо всему отделу».

На экране было новое письмо. Тема: «Эрешкигаль». Отправитель: no-reply@internal.

Марина замерла.

Ира заметила её взгляд и тут же напряглась.

— Что там? Опять рассылка про уборку?

— Хуже, — призналась Марина. — Опять это слово.

— Какое?

— «Эрешкигаль». Древняя месопотамская богиня подземного мира. Звучит как название эксперимента, который лучше не начинать.

Ира побледнела.

— Ой... А я только что про проклятый этаж рассказывала. Может, не надо было...

— Не драматизируй, — сказала Марина, хотя сама чувствовала, как по спине пробежал лёгкий холодок, подозрительно похожий на сквозняк от рационального объяснения. — Это просто глюк внутренней почты. Или чья-то неудачная шутка.

Она открыла письмо. Внутри было всего две строки:

«Память — это температура прошлого. Не позволяй ей остывать».

Вложение: файл без расширения.

Марина на секунду задумалась, потом решительно нажала «Удалить». Файл исчез, но в углу экрана снова мелькнуло слово: «Никта». На этот раз оно не просто появилось — оно будто пульсировало, как слабый сигнал в шуме.

— Ты чего? — спросила Ира. — Ты так смотришь, будто увидела привидение.

— Нет, — честно ответила Марина. — Я увидела глюк. Просто очень настойчивый.

Она закрыла почту, положила телефон экраном вниз, будто он мог снова начать шептать неприятные вещи, и решительно откусила ещё кусок бутерброда.

— Слушай, — сказала Ира, пытаясь вернуть разговор в безопасное русло. — А если серьёзно, ты не думаешь, что иногда наука просто не успевает за тем, что происходит? Ну, вот как с твоим датчиком вчера.

Марина хмыкнула.

— Наука не опаздывает. Она просто требует доказательств. Желательно в трёх экземплярах и с подписями. Если что-то происходит, мы это измерим. Если не можем измерить — значит, пока не нашли правильный прибор.

— А если прибор начинает писать странные письма?

— Тогда мы меняем прибор, — твёрдо сказала Марина. — Или лабораторию. Или город. По обстоятельствам.

В дверях столовой появился Цербер. Он окинул помещение взглядом, будто оценивал возможные угрозы: разлитый суп, слишком громкий разговор, потенциально нестабильный кофе. Заметив Марину, он подошёл, взял со стойки стаканчик (не стал пить, просто держал, как щит) и сел напротив.

— Ну, как день? — спросил он буднично, будто не существовало ни проклятых этажей, ни писем без отправителей.

— Отлично, — бодро ответила Марина. — Кофе пытается меня убить, коллега рассказывает легенды, почта шлёт поэзию. Всё как обычно.

Цербер посмотрел на её стаканчик, потом на телефон, лежащий экраном вниз.

— Опять письмо?

Марина кивнула.

— То же самое. «Эрешкигаль». И странная фраза про память и температуру.

Цербер чуть нахмурился, но голос остался ровным.

— Не отвечай. И не открывай вложения.

— Я и не собираюсь, — сказала Марина. — Я его удалила.

— Хорошо, — кивнул он. — Но если оно появится снова — скажи мне. Не пытайся разобраться сама.

— Я не самоубийца, — буркнула Марина. — Я просто учёный. У меня инстинкт самосохранения сильнее любопытства... почти всегда.

Ира, которая слушала этот диалог с широко раскрытыми глазами, наконец не выдержала.

— Ребят, вы серьёзно? Это что, какая-то операция?

Цербер посмотрел на неё спокойно, без угрозы, но так, что Ира сразу поняла: некоторые темы лучше не развивать.

— Это профилактика, — сказал он. — В науке, как и в безопасности, лучше перебдеть. Марина вздохнула и отодвинула недоеденный бутерброд.

— Ладно. Вернусь в лабораторию. Надо проверить, не начал ли мой датчик снова рисовать ледниковый период.

— Я с тобой, — тут же сказала Ира. — Ну, то есть... если можно. Просто... вдруг там опять что-то аномальное.

Марина улыбнулась уголком рта.

— Если там опять будет аномалия, я позову тебя первой. Чтобы ты могла сказать: «Я же говорила!»

Ира просияла.

— Вот это я понимаю — уважение к коллеге.

Цербер встал, держа стаканчик как символ того, что он всё видел, но вмешиваться пока не будет.

— Я буду неподалёку, — просто сказал он.

И Марина вдруг почувствовала, как этот спокойный, почти незаметный факт — что кто-то будет неподалёку — немного отодвигает тень, которая начала сгущаться вокруг обычных вещей: кофе, писем, легенд про четвёртый этаж.

Они вышли из столовой. Коридор был обычным: лампы слегка гудели, линолеум поскрипывал, где-то вдалеке кто-то кричал: «Кто забрал мою пробирку?!»

Всё как всегда. Почти.

Только в самом дальнем углу, там, где коридор делал поворот и терялся в полумраке, на стене что-то поблёскивало. Марина прищурилась.

Это был маленький, почти незаметный символ — выжженный или выцарапанный на краске. Она не знала, что он значит, но почему-то сразу вспомнила слово «Никта».

— Ты это видишь? — тихо спросила она Иру.

Ира посмотрела, пожала плечами.

— Похоже на царапину. Или кто-то маркером рисовал.

— Наверное, — согласилась Марина. Но блокнот, который она достала из кармана, открылся сам собой на чистой странице. И она написала:

«Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — мне нужен отпуск. И новый телефон. И, возможно, психолог».

Глава 3. Тень, которая не двигается

Лаборатория 3 уже не казалась Марине просто комнатой с приборами — скорее, местом, которое начало вести себя как собеседник: сначала спорило данными, потом присылало странные письма, а теперь, похоже, решило поиграть в прятки.

Марина сидела перед монитором системы видеонаблюдения, щёлкала мышкой и хмурилась. На экране коридор третьего этажа тянулся прямой серобелой линией, освещённый лампами дневного света. Всё как обычно. Почти.

В кадре, ровно между второй и третьей камерами, стояла фигура. Тёмный силуэт, будто вырезанный из более густой темноты. И самое странное — он не двигался. Ни шага, ни поворота головы, ни даже лёгкого покачивания. Просто стоял, как будто ждал, пока кто-то его заметит.

— Да ладно, — пробормотала Марина. — Это просто пересвет и тень от шкафа. Или... опять матрица глючит.

Она увеличила фрагмент, покрутила настройки контраста. Фигура не становилась чётче, но и не исчезала. Она оставалась ровно такой же — чёрной, неподвижной, неправильной.

Ира, стоявшая рядом и заглядывавшая через плечо, нервно сглотнула.

— Может, это... ну... охранник?

— Охранник не стоит столбом в пустом коридоре, — возразила Марина. — У него график, у него рация, у него, в конце концов, чай в термосе. А это... это как статичный объект.

— Как баг в игре, — тихо добавила Ира.

— Именно, — кивнула Марина. — Только игра слишком реалистичная.

Она потянулась к телефону, чтобы набрать Цербера, но в этот момент камера на фрагменте будто моргнула — и фигура исчезла.

На записи, сделанной секундой позже, коридор был пуст.

— Вот, — сказала Марина, скорее себе, чем Ире. — Теперь это официально «не было».

— Но мы же видели! — возразила Ира. — Я видела!

— Видели, — спокойно согласилась Марина. — Но на записи — нет. Значит, у нас есть два варианта: либо мы одновременно галлюцинируем, либо система врёт.

— Я не хочу быть галлюцинацией, — призналась Ира.

— Ты не галлюцинация, — заверила Марина. — Ты очень даже реальная. И очень полезная. Пойди, пожалуйста, проверь коридор лично. Только не заходи далеко. Если увидишь кого-то — сразу назад.

Ира кивнула, сглотнула и вышла, стараясь шагать уверенно, будто это обычная проверка, а не поход в зону, где тени живут своей жизнью.

Через три минуты она вернулась. Бледная, но твёрдая.

— Пусто, — выдохнула она. — Никого. Даже сквозняка нет.

— Отлично, — сказала Марина. — Значит, это всё-таки техническая проблема.

Она открыла журнал технического обслуживания и вписала аккуратным почерком:

«14:23. На камере С03 зафиксирована неподвижная фигура в коридоре между секторами 3В и 3С. При визуальной проверке — отсутствует. Вероятная причина: сбой матрицы или артефакт сжатия видеопотока. Рекомендация: проверить оборудование».

Под этим, чуть ниже, она добавила уже от себя, не как в отчёт, а как напоминание:

«Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — мне нужен не отпуск, а бронжилет и переводчик с языка теней».

В этот момент в дверях появился Цербер. Он не спешил, не суеился, но сразу будто заполнил собой пространство, делая его чуть более надёжным.

— Что-то случилось? — спросил он спокойно, но взгляд его сразу скользнул к монитору, к журналу, к лицу Марины.

— Камера показала человека, которого не было, — сказала Марина без предисловий. — Неподвижного. Как будто застывшего.

Цербер подошёл, посмотрел на запись, на стопкадр, на пустой коридор на следующем фрагменте.

— Когда?

— Четырнадцать двадцать три.

— Кто видел?

— Мы с Ирой.

Он кивнул, будто эта информация была не тревожной, а просто ещё одним параметром в уравнении.

— Я проверю камеры. И сам коридор.

— Уже проверили, — сказала Марина. — Пусто.

— Значит, проверим ещё раз, — спокойно ответил он. — И ещё раз после этого. Пока не поймём, что это было.

Марина хотела пошутить про «план минимум — не сойти с ума», но не стала. Потому что Цербер не шутил. И в этом было самое большое утешение.

Пока он уходил проверять камеры, Марина снова посмотрела на монитор. И вдруг заметила, что в углу экрана снова мелькнуло слово: «Никта».

На этот раз оно не исчезло сразу. Оно будто висело в воздухе, как отголосок звука, который уже прозвучал, но ещё не затих.

— Ну вот, — сказала Марина тихо. — Теперь и камеры со мной разговаривают.

Ира посмотрела на экран, потом на Марину.

— Ты опять это видишь?

— Ага.

— А я — нет.

— Не переживай, — усмехнулась Марина. — Пока я вижу одна — это ещё можно списать на переутомление. Если увидишь ты — будем звонить в «Скорую» или в Академию наук. Посмотрим, кто быстрее приедет.

Слово «Никта» медленно растаяло, как пар на холодном стекле.

Марина вздохнула, закрыла окно видеонаблюдения и открыла журнал данных. Нужно было вернуться к измерениям, к графикам, к вещам, которые можно потрогать и объяснить.

Но в этот момент телефон тихо пискнул. Ещё одно письмо. Тема: «Эрешкигаль». Отправитель: no-reply@internal.

Марина посмотрела на него, потом на дверь, за которой исчез Цербер, потом на Иру, которая смотрела на неё с тревогой и надеждой одновременно.

И она не стала открывать письмо. Вместо этого она написала в чат с Цербером:

«Камеры врут. Тени не двигаются. Почта опять пишет про Эрешкигаль. Мне кажется, лаборатория решила, что мы слишком спокойные».

Ответ пришёл почти сразу:

«Не открывай письма. Я рядом. Проверяю камеры. Если тень появится снова — скажи. Но лучше, чтобы не появлялась».

Марина положила телефон экраном вверх, будто он был не устройством, а маяком.

А потом снова посмотрела на пустой монитор, на пустую строку журнала и подумала:

«Если это ошибка измерения — я её найду. Если это что-то другое... тогда мне точно нужен бронежилет. И кофе. Но не тот, что в столовой».

Глава 4. Никта: один слог

Марина сидела над данными, пытаясь собрать из кривых линий хоть какую-то осмысленную картину. На экране плясали графики, будто хотели станцевать что-то нервное и не очень вежливое. Она потёрла виски, вздохнула и надела наушники — не для музыки, а чтобы отгородиться от общего лабораторного шума: гудения вентиляции, стука клавиатуры в соседнем кабинете, чьего-то далёкого спора про кофе.

В наушниках привычно щёлкнуло — система подключилась, проверила связь, выдала короткий тестовый тон. И тут, поверх всего этого, прозвучало:

«Никта».

Один слог. Чёткий. Спокойный. Как будто кто-то просто назвал её по имени, только имя было не её.

Марина дёрнулась, чуть не свалив стакан с ручками. Сняла наушники, посмотрела на них, как на предателя, который вдруг заговорил чужим голосом.

— Это не я, — сказала она вслух, будто наушники могли возразить. — Это точно не я.

Ира, сидевшая за соседним столом и старательно делавшая вид, что она полностью поглощена калибровкой пипеток, подняла глаза.

— Ты с кем?

— С техникой, — мрачно ответила Марина. — Она сегодня особенно разговорчивая.

Она снова надела наушники, приготовившись услышать либо тишину, либо помехи, либо, на крайний случай, чей-то забытый подкаст про квантовую физику.

Снова короткий щелчок. И снова:

«Никта».

На этот раз чуть тише, будто издалека.

Марина сняла наушники окончательно и положила их на стол, как улику, которую лучше не трогать голыми руками.

— Ладно, — пробормотала она. — Это либо сбой трансляции, либо у меня начинается профессиональное выгорание с аудиоэффектами.

Ира осторожно подвинулась ближе.

— А что звучало?

— Слово. Одно. «Никта».

Ира побледнела.

— Опять это...

— Не опять, — отрезала Марина. — Это техника. Просто какой-то канал не отключился, или кто-то оставил трансляцию открытой. Бывает.

Но в глубине души она знала: не бывает. В их лаборатории трансляции не вещают одинокие слова. Тут даже уведомления приходят с полным набором метаданных, подписью и номером заявки.

Марина открыла панель управления аудиосистемой, пробежалась по активным каналам. Всё чисто. Никаких трансляций, никаких конференций, никаких фоновых подкастов. Только тишина и системные логи.

А в логах — ничего. Будто слово вообще не проходило через систему.

— Странно, — пробормотала Марина.

— Что странно? — спросила Ира.

— То, что его нет в логах.

Ира нервно хихикнула.

— Может, это... ну... внутренний голос?

— Мой внутренний голос обычно напоминает мне, что я забыла пообедать, — сухо ответила Марина. — Он не говорит на древнегреческом.

— Никта — это не древнегреческий, — тихо сказала Ира. — Это из греческой мифологии. Богиня ночи.

Марина посмотрела на неё с усталым уважением.

— Откуда ты это знаешь?

— Я в детстве любила книжки про мифы, — призналась Ира. — А потом мне стало казаться, что наука — это просто мифы с формулами.

— Иногда мне тоже так кажется, — вздохнула Марина.

Она потянулась за блокнотом и на чистой странице вывела:

«Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — мне нужен отпуск, новый кабинет и звукоизоляция толщиной в метр».

Под этим она приписала чуть ниже, почти шёпотом:

«И чтобы никто не называл слово Никта вслух. Звучит так, будто оно отзывается».

В этот момент в дверях появился Цербер. Он посмотрел на наушники на столе, на лицо Марины, на блокнот, открытый на странной записи.

— Проблемы? — спросил он спокойно, будто «проблемы» у них были чем-то вроде погоды: неприятно, но неизбежно.

— Аудиосистема со мной разговаривает, — сказала Марина. — Одно слово. Повторяет.

Цербер не поморщился, не закатил глаза, не предложил ей выпить чаю. Он просто подошёл, взял наушники, осмотрел их, как будто они могли сами всё рассказать, если их правильно спросить.

— Канал? — уточнил он.

— Никаких активных каналов, — ответила Марина. — В логах пусто.

Он кивнул, будто именно этого и ждал.

— Значит, не трансляция.

— Тогда что? — спросила Ира, голос у неё дрогнул.

— Пока не знаю, — честно ответил Цербер. — Но я узнаю.

Он положил наушники в герметичный пакет, аккуратно подписал маркером: «Аудио. Подозрительно разговорчиво».

Марина смотрела на этот маленький ритуал, и ей вдруг стало спокойнее. Потому что когда кто-то упаковывает твои говорящие наушники в пакет и подписывает их, это значит, что происходящее перестаёт быть только твоей проблемой.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— Не за что, — ответил Цербер. — Пока мы не знаем, что это, будем считать это техническим сбоем. А сбои мы чиним.

Он ушёл, унося с собой улику, а Марина снова посмотрела на экран, на графики, на пустые строки логов.

И тут телефон тихо пискнул. Ещё одно письмо. Тема: «Эрешкигаль». Отправитель: po-reply@internal.

Марина на секунду замерла, потом решительно нажала «Удалить», не открывая.

— Никаких писем, — сказала она себе. — Никаких слов. Только данные.

Ира робко улыбнулась.

— Знаешь, мне кажется, лаборатория просто хочет, чтобы ты её заметила.

— Она уже замечена, — буркнула Марина. — И поставлена на учёт. И, возможно, на карантин.

Она снова взялась за графики, пытаясь вернуть себе ощущение контроля. Но в голове всё ещё звучало это тихое, настойчивое: «Никта».

Как будто кто-то звал её. Или предупреждал. Или просто проверял, слышит ли она.

Глава 5. Цербер на пороге

Марина как раз пыталась заставить упрямый спектрометр выдать хоть что-то похожее на нормальный график, когда дверь лаборатории распахнулась без стука — так, как умеют только люди, для которых «личное пространство» — это термин из учебника по социологии, а не руководство к действию.

На пороге стоял Цербер. В одной руке — планшет с экраном, который, казалось, отображал сразу десять тревожных индикаторов. В другой — связка ключей, которые позвякивали с угрожающей деловитостью.

— Внеплановая проверка безопасности, — объявил он буднично, будто предлагал выпить чаю. — Начинаем с вашей лаборатории.

Марина медленно подняла взгляд от спектрометра, как человек, которого только что попросили сдать экзамен по предмету, который он вообще не изучал.

— У нас не база, у нас лаборатория, — проворчала она, постучав пальцем по корпусу прибора, словно тот мог засвидетельствовать её невиновность. — Тут не прячут оружие, тут прячут результаты, пока они не станут статистически значимыми.

Цербер даже не улыбнулся. Он просто шагнул внутрь, поставил планшет на край стола (ровно, чтобы не съехал) и начал осматриваться так, будто видел не столы, не шкафы, не пробирки, а невидимые линии угроз, натянутые по комнате.

— Безопасность — это не только про оружие, — спокойно сказал он. — Это про то, что может пойти не так. И про то, что уже пошло.

Ира, которая в этот момент пыталась сделать вид, что она очень занята протиранием пипетки (хотя та и так была идеально чистой), замерла с тряпочкой в руке.

— А... что-то пошло? — осторожно спросила она.

— Пока не знаю, — ответил Цербер, не сводя взгляда с вентиляционной решётки. — Но у меня есть правило: если в одном месте трижды подряд случается «ничего особенного», на четвёртый раз это уже не «ничего».

Марина закатила глаза, но в глубине души признала: правило звучало до обидного логично.

— Ладно, — вздохнула она. — Проверяй. Только не трогай спектрометр. Он и так на меня косо смотрит.

Цербер кивнул и начал методично двигаться по периметру: проверил пломбы на шкафах, заглянул под столы, осмотрел кабели, будто они могли скрывать заговор. Потом остановился у окна, потрогал раму, проверил датчик на стекле.

— Ты серьёзно? — не выдержала Марина. — Думаешь, кто-то проникнет через окно третьего этажа, минуя камеры, сигнализацию и нашего завхоза, который знает всех по именам и по долгам за кофе?

— Я думаю, что проникновение бывает не только физическим, — ответил он, не оборачиваясь. — Иногда оно начинается с письма без отправителя. Или с тени, которой нет. Или со слова, которое звучит в наушниках, хотя его никто не произносил.

Марина невольно покосилась на пакет, в который он вчера убрал её «разговорчивые» наушники. Пакет лежал на отдельной полке, подписан аккуратно, как улика в хорошем детективе.

— То есть ты сейчас проверяешь не на взлом, а на... мистику? — уточнила Ира, всё ещё сжимая тряпочку, как талисман.

— Я проверяю на аномалии, — поправил Цербер. — А как их называть — дело десятое.

Он подошёл к системе видеонаблюдения, вывел на экран журнал событий, быстро пролистал. Потом замер на одной строке, чуть нахмурился.

— Вот, — сказал он, ткнув пальцем в экран. — В 14:23 система зафиксировала кратковременный сбой питания на камере С03. Ровно в тот момент, когда вы видели тень.

Марина почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло — не страх, а то самое приятное ощущение, когда хаос вдруг становится закономерностью.

— Сбой? — переспросила она. — То есть это не магия, это электрика?

— Электрика, которая совпадает по времени с аномалией, — уточнил Цербер. — Это не объяснение. Это зацепка.

Он сделал пометку в планшете, потом посмотрел на Марину.

— И ещё. Вчера ты удалила письмо с темой «Эрешкигаль». Система зафиксировала это как «активность с высоким приоритетом».

— Потому что я удаляю всё подозрительное, — буркнула Марина. — Это мой научный метод: сначала удалить, потом думать.

— Хороший метод, — неожиданно одобрил Цербер. — Главное, чтобы ты не удалила то, что нам понадобится.

В этот момент спектрометр, будто обиравшись, что его игнорируют, выдал резкий пик на графике — такой, что Марина вздрогнула.

— Ну вот, — сказала она, глядя на скачок. — Теперь ещё и прибор бунтует.

Цербер посмотрел на график, потом снова на Марину.

— Что это?

— Понятия не имею, — честно призналась она. — Он никогда так не делал. Это не шум, это... будто отклик.

— На что?

Марина на секунду задумалась. И вдруг поняла.

— На слово, — тихо сказала она. — Вчера, когда в наушниках прозвучало «Никта», график тоже дёрнулся. Я тогда не обратила внимания.

Цербер ничего не ответил. Просто записал что-то в планшет. Но в его молчании было столько серьёзности, что даже Ира перестала теревить тряпочку и замерла.

— Слушай, — не выдержала Марина. — Если ты сейчас скажешь, что у нас тут портал в другое измерение, я попрошу сначала оформить акт о внеплановой проверке, а потом уже объявлять апокалипсис.

Уголок его рта чуть дрогнул — почти улыбка, если не присматриваться.

— Апокалипсис подождёт, — сказал он. — Сначала закончим проверку.

Он ещё раз обошёл лабораторию, проверил последний датчик, закрыл журнал на планшете.

— Всё, — объявил он. — Формально — без нарушений. Неформально — тут слишком много совпадений, чтобы считать их случайными.

Марина хотела снова пошутить про «лабораторию, которая решила нас разыграть», но слова застряли в горле. Потому что это уже не было похоже на розыгрыш.

Она достала свой блокнот и на чистой странице написала:

«Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — мне нужен не отпуск, а соавтор. Желательно физик и экзорцист в одном лице».

Под этим она приписала чуть ниже:

«И кофе. Настоящий. Не из столовой».

Цербер заметил блокнот, но ничего не сказал. Только кивнул, будто понял всё без слов.

— Если что-то ещё случится, — сказал он уже у двери, — не пытайся разобраться одна. Даже если это просто «ещё один сбой».

— Даже если это сбой кофеварки? — попробовала пошутить Марина.

— Особенно если это сбой кофеварки, — серьёзно ответил он и вышел, оставив после себя ощущение, что комната стала чуть безопаснее — просто потому, что он здесь побывал.

Когда дверь закрылась, Ира наконец выдохнула.

— Он всегда такой... пугающе спокойный?

— Да, — кивнула Марина, снова глядя на странный пик на графике. — И именно поэтому с ним спокойнее.

Она сохранила данные, скопировала файл в три разных места (на всякий случай), а потом, повинувшись внезапному импульсу, вывела на отдельном листе формулу, которую начала мысленно крутить с самого утра. И прямо посередине уравнения, между интегралом и константой, вдруг появилось слово: «Никта».

Не на экране. Не в наушниках. Прямо в её мыслях — чёткое, настойчивое, будто кто-то подсказал ответ, который она не хотела слышать.

Марина моргнула. Слово исчезло. Но ощущение осталось.

— Знаешь, — тихо сказала она Ире, — кажется, лаборатория всё-таки хочет, чтобы мы её поняли.

— И что мы будем делать? — спросила Ира, голос у неё дрожал, но в глазах уже загорался тот самый исследовательский азарт, который Марина так любила в молодых учёных.

— Будем измерять, — твёрдо сказала Марина. — Пока у нас есть приборы, мы будем измерять. А если приборы начнут отвечать словами — значит, пора звать Цербера. И, возможно, кого-то ещё.

Глава 6. Протокол без подписи

Марина сидела перед монитором, и ей казалось, что экран слегка мерцает — не из-за лампы, не из-за усталости, а будто сам воздух между ней и дисплеем стал чуть плотнее. Она только что сохранила данные со спектрометра в три разных места, как будто цифры могли обидеться и исчезнуть, если их оставить в одном.

Ира ушла на склад за расходниками, пообещав вернуться «с чем-то, что точно работает», и Марина осталась наедине с приборами, тишиной и своим привычным скепсисом, который сегодня держался на честном слове.

И тут почтовый клиент тихо пискнул.

Марина поморщилась. В её мире «тихо пискнуло» почти всегда означало «сейчас будет плохо».

Она посмотрела на уведомление. Новое письмо. Тема: «Эрешкигаль». Отправитель: `reply@internal`. Вложение: файл без расширения.

— Опять, — пробормотала Марина. — Ну серьёзно? Это уже не рассылка, это преследование.

Она потянулась, чтобы нажать «Удалить», привычно и решительно, как человек, который знает, что любопытство — это не добродетель, а профессиональный риск. Но рука замерла на полпути.

Потому что в голове вдруг прозвучало то самое слово: «Никта». Не в наушниках, не из динамика — прямо внутри, как мысль, которая пришла не от неё.

«Открой», — будто шепнуло что-то. Или это она сама так подумала?

Марина нахмурилась.

— Нет, — сказала она вслух, словно проверяя, насколько её воля ещё что-то значит. — Никаких вложений. Никаких писем без подписи. Это первое правило цифровой гигиены.

Но тут же сама себе возразила:

— А если это не мистика, а ошибка системы? Если кто-то реально положил в общую папку не тот файл, и я его удалю, а потом выяснится, что это был единственный экземпляр протокола по калибровке?

Она вздохнула. Научный азарт — злая штука. Он умеет находить оправдания даже там, где их быть не должно.

— Ладно, — буркнула она. — Только посмотрю название. Без скачивания.

Она навела курсор на вложение. Имя файла было странным: не «`Protocol_v3.pdf`» и не «`Calibration_2026.xlsx`», а просто «`Эрешкигаль.dat`». И никаких метаданных. Ни даты создания, ни автора, ни размера.

— Файл-призрак, — пробормотала Марина.

И всё-таки кликнула.

Файл открылся не как документ и не как архив. На экране развернулось окно, похожее на интерфейс старой лабораторной системы — серый фон, монохромный шрифт, поля для ввода, которых не было в современном ПО.

Вверху, по центру, крупными буквами: «Протокол Эрешкигаль: версия 0. Пусто. Статус: ожидание подписи».

Ниже — несколько полей: «Оператор», «Уровень доступа», «Подтверждение», «Подпись». И в самом низу — строка, которая заставила Марину вжаться в кресло:

«Для активации требуется: одно слово. Введите его сейчас.»

Под строкой — мигающий курсор.

— Что за... — прошептала Марина. — Это даже не программа. Это... театр абсурда.

Она потянулась закрыть окно, но курсор будто прилип к полю ввода. И в этот момент в углу экрана снова мелькнуло: «Никта».

На этот раз не как слово, а как подсказка.

— Нет, — твёрдо сказала Марина, хотя голос прозвучал чуть тише, чем хотелось. — Никаких слов. Никаких активаций.

Вместо этого она сделала то, что умела лучше всего: начала собирать данные.

Она открыла консоль, запустила сниффер, попыталась зафиксировать, откуда пришёл файл, какой процесс его открыл, есть ли сетевой трафик. Но система молчала. Логов не было. Будто файл существовал вне времени и пространства лаборатории.

— Отлично, — пробурчала Марина. — Значит, это либо вирус, который стирает собственные следы, либо... что-то, что вообще не должно существовать в этой реальности.

Она сделала скриншот, скопировала хеш файла (на всякий случай), а потом нажала «Отмена».

Окно не закрылось.

Оно просто изменилось.

Теперь на сером фоне было только одно предложение:

«Вы уже видели достаточно. Теперь вы часть этого.»

И ниже — снова: «Введите слово.»

Марина почувствовала, как по спине пробежал холодок, и это точно не был сквозняк от вентиляции.

— Я не часть этого, — сказала она твёрже. — Я наблюдатель. У меня блокнот, у меня данные, у меня...

В этот момент дверь распахнулась, и в лабораторию ворвалась Ира, звеня коробками и энтузиазмом.

— Смотри, что я нашла! — выпалила она, не замечая лица Марины. — На складе завалялся старый модуль... Ой. А что у тебя?

Марина быстро дёрнула мышкой, пытаясь свернуть окно, но оно не сворачивалось. Оно было как приклеенное.

Ира подошла ближе, заглянула через плечо и побледнела.

— Это... это тот самый файл? С «Эрешкигаль»?

— Да, — призналась Марина. — Я открыла. Из научного любопытства.

— И что там? — прошептала Ира.

— Ничего хорошего, — честно ответила Марина. — Оно просит слово.

— Какое слово? — спросила Ира, будто от этого зависело, можно ли ей дышать.

— Не знаю, — покачала головой Марина. — Но я его не скажу.

В этот момент окно снова изменилось. Теперь на нём было только одно слово: «Никта» — крупными буквами, как финальный ответ на вопрос, который никто не задавал.

И под ним: «Принято. Протокол активирован.»

Экран моргнул, и окно исчезло.

Лаборатория осталась прежней: приборы гудели, лампы светили, на столе лежал забытый бутерброд. Но что-то неуловимо изменилось. Будто воздух стал чуть тяжелее, а тени — чуть гуще.

Марина медленно закрыла крышку ноутбука, будто это могло что-то исправить.

— Так, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал нормально. — Это был сбой. Системный сбой. Мы его зафиксируем, опишем, отправим Церберу.

Ира кивнула, но глаза у неё были огромными.

— Ты думаешь, это правда? Что оно... активировалось?

— Думаю, что это баг, — твёрдо ответила Марина. — А баги мы чиним. Или изолируем. Или...

Договорить она не успела.

Из коридора донёсся звук, которого здесь быть не должно: тихий, ритмичный цокот, будто кто-то шёл по линолеуму в жёсткой обуви. Только на третьем этаже не было никого, кроме них. И у них не было такой походки.

Дверь приоткрылась, и на пороге появился Цербер. Он посмотрел не на девушек, а прямо на монитор — будто знал, что там было.

— Что случилось? — спросил он спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась готовность к худшему.

Марина хотела сказать «ничего», но не смогла. Вместо этого она просто протянула ему блокнот. На странице было выведено:

«Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — мне нужен не отпуск, а лаборатория, которая не разговаривает. И Цербер, который всегда приходит вовремя.»

Цербер взял блокнот, прочитал, кивнул — будто это была не паническая запись, а нормальный отчёт.

— Расскажи, — сказал он. — Всё. С самого начала.

И Марина рассказала. Про письмо, про файл, про окно, про слово. Про то, как оно само появилось и как система его «приняла».

Цербер слушал, не перебивая, только время от времени делал короткие пометки в своём планшете. Когда Марина закончила, он спросил:

— Ты его произнесла?

— Нет! — воскликнула Марина. — Даже не думала. Оно само... появилось. В интерфейсе. Как будто система сама себя активировала.

Цербер нахмурился.

— Значит, не требовалось твоё слово. Значит, оно уже было где-то в системе. Или в данных.

Он подошёл к компьютеру, быстро проверил логи, порты, сетевые соединения. Потом посмотрел на Марину.

— Твой ноутбук сейчас — потенциальный узел распространения. Я его забираю.

— Но там все данные! — возразила Марина.

— Данные мы скопируем, — спокойно сказал он. — А ноутбук пойдёт в карантин. В изолированную камеру, без сети, без WiFi, без всего.

Он достал герметичный кейс, аккуратно упаковал ноутбук, подписал: «Карантин. Эрешкигаль. Высокий приоритет».

— А что теперь? — тихо спросила Ира.

— Теперь мы делаем то, что должны, — ответил Цербер. — Проверяем систему. Ищем источник. И не даём этому распространиться.

Марина посмотрела на пустой стол, где ещё минуту назад стоял её главный инструмент, и вдруг почувствовала странную пустоту. Не от потери данных, а от того, что граница между «наукой» и «чем-то ещё» только что стала тоньше.

— Знаешь, — сказала она Церберу, — я всегда думала, что самое страшное в лаборатории — это сбой сервера. А теперь понимаю: самое страшное — когда сервер начинает играть по своим правилам.

Цербер чуть наклонил голову, будто признавая её правоту.

— Именно поэтому у нас есть протоколы, — сказал он. — Даже если они без подписи.

Глава 7. Сон, который помнит факты

Ночь в Северске была особенно плотной — будто город специально накапливал темноту между панельными домами и старыми корпусами научного кластера, чтобы к утру выдать её порциями в виде тяжёлых сумерек. Марина лежала в кровати, уставившись в потолок, и пыталась убедить себя, что всё нормально: ноутбук в карантине, Цербер всё контролирует, а странные файлы — это просто баг, который скоро починят.

Но сон пришёл не по расписанию и не по правилам.

Ей снилась лаборатория. Та самая, до миллиметра знакомая: столы, шкафы, спектрометр, который вечно капризничает, даже во сне. Только в этом сне всё было чуть-чуть иначе.

В стене между шкафом с реактивами и вытяжкой была дверь. Не просто проём, а настоящая дверь с тяжёлой металлической ручкой и табличкой, на которой не было ни номера, ни подписи — только выплывший символ, похожий на перевёрнутую букву «Т» с точкой наверху.

Марина во сне подошла к ней, потянулась к ручке, но в этот момент что-то щёлкнуло, как в старом кино, и картинка сменилась. Теперь перед ней лежал план этажа — чёрнобелый, с тонкими линиями и аккуратными подписями. И на этом плане та самая дверь была обозначена как «Сектор Х. Доступ: запрещён».

А потом сон рассыпался на пиксели, как плохой сигнал, и Марина проснулась.

Она села на кровати, тяжело дыша, будто только что бежала. В комнате было тихо, только за окном изредка шуршали ветки. На тумбочке лежал её блокнот. Она взяла его, открыла на чистой странице и написала:

«Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — мне нужен не отпуск, а отпуск от этой лаборатории. И, возможно, от города. И от снов, которые знают больше меня».

Утро началось как обычно: кофе (на этот раз из кофейни напротив, а не из столовой), автобус, знакомый запах озона и бумаги в вестибюле. Но когда Марина подошла к своему столу, привычного ноутбука не было. Вместо него лежал планшет с наклейкой «Временный доступ. Только чтение» и записка от Цербера: «Не торопись. Мы всё проверим».

Ира уже сидела на своём месте и выглядела так, будто не спала всю ночь, пытаясь не думать о файле «Эрешкигаль.dat».

— Ты как? — спросила Марина, ставя стакан с кофе на стол.

— Как человек, который боится нажать не ту кнопку, — призналась Ира. — А ты?

— Как человек, которому приснился план лаборатории, — спокойно ответила Марина. — С лишней дверью.

Ира замерла с пипеткой в руке.

— С какой дверью?

— В стене между шкафом и вытяжкой. Будто её там и не должно быть. А на плане во сне она была помечена как «Сектор Х».

Ира нервно хихикнула.

— Ну, знаешь, иногда мозг просто берёт старые чертежи и начинает с ними играть. У меня однажды снилось, что у нас в холодильнике вместо реагентов лежат пирожные.

— Это другое, — возразила Марина. — В этом сне план был... правильным. Слишком правильным. Как будто я смотрела на реальный документ.

Цербер появился в дверях ровно в тот момент, когда Марина начала сомневаться, стоит ли вообще об этом говорить. Он выглядел собранным, как всегда, но в глазах была лёгкая тень усталости — будто и он не очень хорошо спал.

— Есть что-то новое? — спросил он, не тратя слов на приветствия.

— Сон, — сказала Марина. — Странный. В нём был план этажа. С дверью, которой у нас нет.

Цербер чуть нахмурился, но не удивился.

— Дверь где?

— Между шкафом и вытяжкой, — повторила Марина. — На плане она была подписана как «Сектор Х».

Он кивнул, будто это была не мистическая деталь, а вполне нормальная улика.

— Старые планы, — сказал он. — Я запросил архив. Сейчас принесут.

Через десять минут в лабораторию вошёл архивариус — сутулый мужчина в очках, который относился к бумажным папкам так, будто они были живыми существами, требующими уважения. Он положил на стол толстую папку с надписью «Проект Северск3. Чертежи. 1987–1999».

— Тут всё, что сохранилось, — буркнул он. — Если чего-то нет — значит, сгорело, потерялось или было засекречено. Выбирайте.

Когда он ушёл, Марина открыла папку дрожащими пальцами. Листы были пожелтевшими, края потрёпанными, а линии — чёткими, будто их чертили с особой тщательностью.

Они нашли план третьего этажа.

И на нём, ровно в том месте, где во сне была дверь, действительно был обозначен «Сектор Х. Доступ: запрещён».

Марина провела пальцем по линии, будто хотела стереть её, сделать невидимой.

— Этого не может быть, — прошептала Ира. — Мы же каждый сантиметр знаем.

— Не каждый, — тихо сказала Марина. — Просто мы не искали там, где не должно быть дверей.

Цербер молча изучал план, потом поднял глаза.

— Значит, дверь была. Или должна была быть.

— Или её заложили, — предположила Марина. — Но зачем?

— Чтобы никто не заходил, — ответил Цербер. — А когда люди перестают заходить, они перестают и помнить.

Он подошёл к стене, приложил ладонь к кирпичной кладке, постучал. Звук был глухим, плотным.

— Здесь что-то есть, — сказал он. — Или было.

Марина посмотрела на стену, потом на план, потом на блокнот, который снова оказался у неё в руках. На странице она написала:

«Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — значит, здание помнит то, что мы забыли. И оно пытается нам напомнить».

В этот момент телефон Цербера тихо пискнул. Он посмотрел на экран, нахмурился и поднял глаза на Марину.

— Архив прислал ещё один документ, — сказал он. — Журнал дежурств за 1993 год. Там есть запись: «Сектор Х — заблокирован. Причина: нестабильность показателей. Доступ запрещён до особого распоряжения».

— «Нестабильность показателей», — повторила Марина, и её голос прозвучал странно, будто она услышала эхо собственного вчерашнего дня. — Это звучит как моя лабораторная запись. Только на тридцать лет раньше.

Цербер кивнул.

— Похоже, мы не первые, кто здесь что-то заметил.

Ира посмотрела на стену, потом на Марину, потом на Цербера, будто пыталась понять, кто из них сейчас скажет: «Шучу, это розыгрыш».

Но никто не сказал.

— Что теперь? — тихо спросила она.

— Теперь мы проверяем, — твёрдо сказал Цербер. — Но не ломая стену. Сначала данные.

— А если данных не хватит? — спросила Марина.

— Тогда будем искать другие способы, — ответил он. — Но без паники. И без спешки.

Он достал из кармана небольшой прибор, похожий на ручной сканер, и начал медленно водить им вдоль стены. Прибор тихо пищал, менял цвет индикатора, будто пытался что-то сказать на своём языке.

На экране появилась странная аномалия: в толще стены был участок с необычно низкой теплопроводностью. Как будто там была пустота. Или что-то, что не хотело отдавать тепло.

— Вот, — сказал Цербер, показывая на график. — Здесь что-то есть.

Пока они изучали стену, в лабораторию зашёл старший лаборант Павел — человек, который обожал городские легенды и знал про Северск больше, чем любой краеведческий музей.

— Слыхали про «Летучего голландца»? — спросил он, будто это было самое уместное продолжение разговора про скрытые двери.

Марина поморщилась.

— Это корабль-призрак. Мы в городе, а не в море.

— А в Северске свой «Летучий голландец», — невозмутимо ответил Павел. — Это старый исследовательский вагончик. Его в восьмидесятых гоняли между площадками, и говорили, что он появляется там, где показатели резко падают. То ли автономный модуль, то ли фантом. Никто толком не знает. Но в старых отчётах он мелькает: «Объект ЛГ. Наблюдался в зоне нестабильности».

Марина переглянулась с Цербером.

— «Зона нестабильности», — повторила она. — Опять эти слова.

Цербер задумчиво постучал пальцем по планшету.

— Если «Летучий голландец» — это автономный модуль с датчиками, он мог фиксировать аномалии там, где официальная система молчала.

— И если он был привязан к Сектору Х... — медленно продолжила Марина.

— То он мог быть частью той самой старой системы мониторинга, — закончил Цербер. — Которая работала по другим правилам.

Павел пожал плечами.

— Говорят, его окончательно списали в 1994м. Но кто-то клялся, что видел его в прошлом году — на заброшенной площадке у ТЭЦ.

Марина снова посмотрела на стену, на старые чертежи, на график сканера.

— Знаешь, — сказала она Церберу, — я всегда думала, что легенды — это когда наука не успевает за реальностью. А теперь мне кажется, что иногда легенды — это просто плохо оформленные отчёты.

Цербер едва заметно улыбнулся.

— Тогда будем относиться к этой легенде как к источнику данных, — сказал он. — И проверим всё: и стену, и архивы, и даже «Летучего голландца».

Ира, которая слушала это с широко раскрытыми глазами, наконец выдохнула.

— Получается, мы теперь расследуем не только дверь, но и призрачный вагончик?

— Мы расследуем аномалию, — спокойно ответил Цербер. — А как её называли в разные годы — неважно. Главное — что она оставляет следы.

Марина взяла блокнот и дописала чуть ниже:

«Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — значит, кто-то очень давно пытался измерить то же, что и мы. Просто у них были другие приборы... и другие названия».

Глава 8. Первая пропажа

Марина ещё раз проверила ящик стола, потом верхний лоток, потом даже заглянула под стопку распечаток, будто флешка могла туда заползти, как упрямый таракан.

— Её нет, — сказала она, скорее себе, чем Ире. — Флешки с данными по вчерашним замерам нет.

Ира замерла с пипеткой в руке — уже почти рефлекс: когда в лаборатории что-то идёт не так, лучше ничего не ронять.

— Может, ты её в карман положила? — предположила Ира. — Или в кофе случайно уронила? У нас это считается стандартной процедурой: «потерял — проверь кружку».

— Я не кладу флешки в карман, — мрачно ответила Марина. — И в кофе — тем более. Это не сувенир, это три дня работы.

Она наклонилась, заглянула под стол. Пусто. Только пыль и чей-то забытый кабель.

А потом увидела.

На том самом месте, где лежала флешка — в углублении лотка, где она всегда её оставляла, чтобы не потерять, — лежал камень. Небольшой, тёмносерый, будто его подобрали на берегу реки и сунули сюда в качестве шутки. Но шутка не чувствовалась.

Потому что на поверхности камня был выжжен символ: перевёрнутая «Т» с точкой наверху. Точно такой же, как на табличке во сне.

Марина медленно выпрямилась, не сводя глаз с камня.

— Это... не совпадение, — прошептала Ира.

— Совпадения у нас бывают, — сухо сказала Марина. — Но не такие. Такие называются «предупреждения».

Она потянулась к камню, но остановилась.

— Не трогай, — вдруг резко сказал Цербер, появившийся в дверях так тихо, что они даже не услышали шагов. — Сначала зафиксируем.

Он достал из кармана небольшой пластиковый пакет, аккуратно подsunул его под камень, поднял — и только потом посмотрел на Марину.

— Флешка? — коротко спросил он.

— Пропала, — ответила она. — На её месте — это.

Цербер кивнул, будто в его мире пропавшие флешки регулярно заменялись камнями с подозрительными символами.

— Где ты её видела в последний раз?

— Вот здесь, — Марина постучала пальцем по краю лотка. — Я её положила после калибровки. Потом ушла на склад с Ирой. Вернулись — её нет. А камень есть.

— Значит, между «ушли» и «вернулись», — спокойно подытожил Цербер. — Окно в три минуты.

— Три минуты, — повторила Ира. — За три минуты можно вынести шкаф. Но не незаметно.

— А если не через дверь? — тихо сказала Марина, покосившись на стену с «Сектором Х». — Если... через что-то ещё?

Цербер не стал спорить. Он просто достал планшет и начал вносить запись: «Инцидент: пропажа носителя. Замена: объект неустановленного происхождения. Символ совпадает с архивным обозначением Сектора Х».

Пока он писал, Марина открыла журнал учёта носителей и вписала:

«Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — значит, у лаборатории есть свой способ архивации данных. И он мне не нравится».

Под этим она приписала чуть ниже:

«И кто вообще выжигает символы на камнях? Это не протокол. Это намёк. А намёки я не люблю. Я люблю таблицы».

В этот момент в лабораторию снова заглянул Павел. Он выглядел так, будто только что подслушал что-то, что одновременно его напугало и обрадовало.

— Слыхали? — выдохнул он. — На площадке у ТЭЦ сегодня утром видели «Летучего голландца».

Марина подняла на него усталый взгляд.

— Вагончик? Тот самый?

— Тот самый, — кивнул Павел. — Охранник клялся, что он стоял ровно пять минут, а потом исчез. И самое странное: на земле под ним нашли точно такие же камни. С такими же символами.

Ира побледнела.

— То есть... это не только у нас?

— Похоже, нет, — сказал Цербер, взвешивая в руке пакет с камнем. — Похоже, это часть системы.

— Какой системы? — спросила Марина.

— Той, что работала здесь в девяностых, — ответил Цербер. — Если «Летучий голландец» был автономным модулем, он мог быть чем-то вроде мобильного узла. Собирал данные, фиксировал аномалии... и, возможно, оставлял метки.

— Метки в виде камней? — недоверчиво переспросила Марина. — Это что, такой древний бэкап?

Павел пожал плечами.

— В те годы не у всех были флешки. А камни были. И символы... говорят, их наносили, чтобы обозначить «зону нестабильности». Чтобы никто не заходил.

— Или чтобы кто-то мог выйти, — тихо добавила Марина, и все на секунду замолчали, будто от этой фразы в комнате стало темнее.

Цербер посмотрел на планшет, потом на Марину.

— Нам нужно проверить площадку у ТЭЦ, — сказал он. — Если «Летучий голландец» снова там, он может дать зацепку.

— Мы что, поедem ловить призрачный вагончик? — уточнила Марина, стараясь, чтобы это звучало как сарказм, а не как паника.

— Мы поедem собирать данные, — спокойно ответил Цербер. — Даже если они выглядят как городская легенда. В науке легенды — это просто гипотезы, которые ещё не оформили по ГОСТу.

Ира нервно хихикнула, но тут же прикрыла рот ладонью, будто смех мог кого-то спугнуть.

— Ладно, — вздохнула Марина. — Только одно условие. Если мы найдём вагончик, я не буду с ним разговаривать. Я буду только снимать показания.

— Договорились, — кивнул Цербер.

Они быстро собрали самое необходимое: запасные датчики, сканер, блокноты, термос (потому что, как справедливо заметила Ира, «в полевых условиях без кофе нельзя, даже если ловишь призраков»).

Когда они выходили из лаборатории, Марина оглянулась на стену, на место, где была спрятанная дверь, на лоток, где исчезла флешка.

И ей вдруг показалось, что лаборатория провожает их не молчанием, а каким-то едва уловимым шёпотом — будто сама хотела сказать: «Вы на правильном пути. Только не заходите слишком далеко».

Но она уже зашла. И теперь оставалось только идти дальше.

На площадке у ТЭЦ было тихо. Ветер гнал по асфальту сухие листья, а старые корпуса стояли, как молчаливые свидетели чего-то, что давно перестали обсуждать вслух.

И посреди этого запустения стоял он — «Летучий голландец». Старый вагончик на колёсах, с облупившейся краской и странными антеннами, которые торчали из крыши, будто он пытался поймать не радиоволны, а само время.

Цербер первым подошёл к нему, держа сканер наготове.

— Он не должен работать, — пробормотал он. — У него нет питания.

Но когда он коснулся ручки, вагончик тихо щёлкнул, будто признал старого знакомого.

Дверь приоткрылась.

Внутри было темно, пахло пылью и озоном. На столе лежал ещё один камень — с тем же символом. А рядом — старая катушка с магнитной лентой. И на ней выцветшими буквами было написано: «Эрешкигаль. Архив 1993».

Марина посмотрела на Цербера.

— Это не легенда, — тихо сказала она. — Это архив.

— И он нас ждал, — добавил Цербер.

В этот момент из глубины вагончика донёсся тихий, ровный звук — будто кто-то включил старый магнитофон. И из динамика прозвучало одно слово:

«Никта».

Не громко. Не угрожающе. Просто как сигнал: «Я здесь. Я помню».

Марина сжала блокнот в руках, будто он мог защитить её от того, что сейчас начнётся.

— Ладно, — сказала она вслух, чтобы голос звучал твёрдо. — Теперь у нас есть данные.

Теперь мы можем всё объяснить.

Или почти всё.

Глава 9. Научный спор с мистикой

В вагончике было тесно, душно и пахло так, будто время здесь не шло, а копилось слоями — пыль, озон, старая изоляция, чуть-чуть палёного пластика и что-то ещё, неуловимо древнее, как запах старых книг в закрытом подвале. Свет проникал через мутные окна тонкими серыми полосами, и в этих полосах кружились пылинки, словно пытались сложить из себя какой-то тайный узор.

Марина стояла у стола, стараясь не касаться ничего лишнего, будто предметы могли «проснуться» от простого прикосновения. Перед ней лежали два объекта: камень с выжженным символом и катушка с надписью «Эрешкигаль. Архив 1993». Рядом на краю стола сиротливо примостился её блокнот — верный спутник, в котором за последние дни накопилось больше вопросов, чем ответов.

Ира застыла у двери, будто держала её на случай экстренного отступления. Её пальцы нервно теребили край халата, а глаза метались между камнем, катушкой и Цербером, который методично сканировал каждый сантиметр вагончика, не пропуская ни одной трещины в обшивке.

Павел, напротив, выглядел так, будто наконец-то оказался в своей стихии. Он склонился над камнем, почти касаясь его носом, и говорил с уверенностью человека, который нашёл недостающий кусочек любимой головоломки.

— Это ритуальное подношение, — уверенно заявил он, постукивая пальцем по символу. — Точно тебе говорю. В девяностых тут кто-то из смежников увлекался символизмом. Может, думали, что так аномалии успокаиваются. Или это был способ «запечатать» зону, чтобы энергия не утекала.

Марина медленно подняла на него усталый взгляд, в котором читалась вся тяжесть трёх бессонных ночей и двух десятков противоречивых отчётов.

— Павел, — сказала она ровно, но в этом ровном голосе звенела сталь. — Это не подношение. Это вандализм с плохой эстетикой. Кто-то выжег символ на булыжнике и положил его вместо флешки. Это не обряд. Это кража данных.

Павел слегка отпрянул, будто её слова физически толкнули его.

— Ну, знаешь, не обязательно всё сводить к банальной краже, — возразил он, пытаясь сохранить хотя бы остатки своей теории. — Иногда вещи имеют... более глубокий смысл.

— Глубокий смысл не стирает данные, — отрезала Марина. — А флешка исчезла. Три дня работы. Калибровки, замеры, графики, которые не воспроизвести за пять минут. И вместо них — камень. Это не метафизика. Это саботаж.

Цербер, не отрываясь от планшета, тихо вставил:

— Пока мы не знаем, что это. Поэтому фиксируем всё. И ритуальную версию, и версию саботажа.

Он поднял голову, и его спокойный, собранный взгляд на секунду уравнил всех в комнате: и скептика Марину, и романтика Павла, и перепуганную Иру.

— У нас есть три факта, — продолжил он, загибая пальцы. — Первый: камень с символом, идентичным маркировке Сектора X на старых планах. Второй: исчезновение носителя информации в короткий промежуток времени. Третий: появление этого вагончика, который, по всем документам, должен быть списан и разобран на металлолом ещё в середине девяностых.

Павел хотел что-то возразить, но Цербер мягко, но непреклонно продолжил:

— Мы не отвергаем ни одну версию, пока она не опровергнута данными. Но и не принимаем на веру. Даже если легенда красивая.

Марина, немного остыв, вздохнула и открыла блокнот. На чистой странице она вывела твёрдым почерком:

«Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — значит, кто-то очень давно придумал систему передачи данных, которую мы не понимаем. И сейчас она пытается с нами заговорить. Только я не уверена, что хочу слышать, что она скажет».

Под этим она приписала чуть ниже, уже другим, нервным почерком:

«И кто вообще выжигает символы на камнях? Это не протокол. Это намёк. А намёки я не люблю. Я люблю таблицы. Таблицы не смотрят на тебя с укором».

Ира, которая до этого молчала, вдруг тихо спросила:

— А если... если это действительно какой-то способ передачи? Ну, вроде древнего бэкапа? Может, они не могли хранить данные на дисках, и оставляли метки?

Марина посмотрела на неё и чуть смягчилась.

— Тогда это самый неудобный способ хранения информации, который я встречала, — призналась она. — Представь: тебе нужно восстановить данные, а ты бегаешь по всему Северску, собираешь камни, как покемонов, и гадаешь, какой из них что значит.

Ира нервно хихикнула, и этот смешок, лёгкий и немного дрожащий, будто стёр часть напряжения в тесном вагончике.

Павел, не сдаваясь, кивнул на катушку:

— Вот это уже ближе к науке. Магнитная лента. Это понятно. Но сам факт, что её оставили здесь, рядом с камнем... Это как подпись. Как способ сказать: «Смотри сюда. Здесь что-то важное».

Цербер аккуратно поместил камень в герметичный контейнер, подписал его и убрал в сумку. Потом взял катушку, осмотрел её со всех сторон, проверил целостность ленты через портативный считыватель.

— Лента в рабочем состоянии, — констатировал он. — Но формат нестандартный. Нам понадобится специальный проигрыватель.

— Или старый компьютер в подвале архива, — пробормотал Павел. — Там до сих пор стоит техника из девяностых. Говорят, она даже включается, если долго уговаривать.

Марина закатила глаза, но в её взгляде мелькнула искра интереса.

— Значит, едем в архив, — подытожил Цербер. — Сначала снимаем данные. Потом разбираемся, ритуал это или саботаж.

Когда они выходили из вагончика, ветер ударил в лицо, будто пытался смыть с них пыль забытых десятилетий. Марина оглянулась на «Летучего голландца», который теперь казался не столько призрачным, сколько усталым — как старый рабочий, который слишком долго нёс свою ношу и наконец остановился, чтобы дать другим возможность её подхватить.

— Знаешь, — тихо сказала она Церберу, пока они шли к машине, — я всегда думала, что наука — это про то, чтобы убирать мистику из мира. Делать его понятным, предсказуемым, управляемым. А теперь мне кажется, что мы не убираем мистику. Мы просто даём ей другие названия. «Аномалия». «Нестабильность». «Ошибка измерения».

Цербер чуть наклонил голову, соглашаясь.

— Иногда одно и то же явление можно описать и языком ритуалов, и языком науки, — спокойно ответил он. — Разница не в том, что ты видишь, а в том, как ты собираешься с этим работать. Ритуал — это способ принять неизвестность. Наука — способ её победить.

Марина улыбнулась уголком рта.

— Тогда я выбираю науку, — сказала она. — Пусть она будет моей бронёй.

В архиве пахло старой бумагой и кофе, который кто-то варил здесь ещё до рассвета. Подвальное помещение было заставлено стеллажами, на которых громоздились коробки с надписями, сделанными выцветшими чернилами. Павел уверенно вёл их вглубь, будто знал это место лучше собственной квартиры.

— Вот он, — сказал он, указывая на старый системный блок, который выглядел так, словно его собрали из деталей разных эпох. — Этот монстр тянет даже то, что, по идее, тянуть не должен.

Пока Павел колдовал над подключением, Марина смотрела на катушку, которую Цербер аккуратно вставил в древний магнитофон-рекордер. Её пальцы слегка подрагивали — не от страха, а от предвкушения. Она знала: через несколько секунд они услышат голос прошлого. И он может сказать что угодно.

Лента зашелестела, механизм щёлкнул, и из динамика раздался треск, похожий на дыхание старого мира. А потом — голос. Тихий, усталый, мужской.

— ...показатели нестабильны, — донеслось сквозь помехи. — Сектор X заблокирован. Данные переносим на физические носители. Метки оставляем в виде камней с символом перевёрнутой «Т». Это не ритуал. Это идентификатор. Если кто-то найдёт — пусть знает: здесь была работа. И здесь была опасность.

Голос замолчал, и в комнате повисла тишина, густая и тяжёлая, как мокрый туман.

Марина медленно закрыла блокнот. Теперь на последней странице она написала только одно:

«Не ритуал. Идентификатор. Значит, кто-то хотел, чтобы мы нашли. Но не хотел, чтобы мы забыли, что это опасно».

Павел посмотрел на Марину, будто ожидая, что она теперь признает его правоту. Но она лишь кивнула Церберу.

— Теперь у нас есть данные, — сказала она твёрдо. — И теперь мы знаем, что ищем не призраков. Мы ищем людей. Тех, кто когда-то работал здесь. И тех, кто всё ещё может быть связан с этим.

Цербер кивнул, принимая её формулировку.

Глава 10. Цербер объясняет, что серьёзно

В подвале архива было тихо — так тихо, что слышно было, как где-то далеко капает вода, будто отсчитывая секунды до чего-то неизбежного. Старый компьютер наконец сдался: экран мигнул, высветил серозелёные строки, и лента снова пошла.

Голос с записи звучал теперь чётче, будто человек, говоривший в микрофон, наконец перестал шептать из страха быть услышанным:

— ...система реагирует на наблюдения. Не на приборы. На нас. Будто ждёт, когда мы заметим. Мы маркируем зоны камнями, чтобы обозначить: здесь граница. Не для ритуала. Для памяти. Если кто-то придёт после нас — пусть знает, где нельзя останавливаться.

Лента щёлкнула и замолчала.

Павел выдохнул, будто только что вынырнул из ледяной воды.

— Ну вот, — тихо сказал он. — Я же говорил: это не просто камни. Это метки.

Марина не ответила. Она смотрела не на катушку, не на экран, а на Цербера. Потому что впервые за всё время он не делал пометок в планшете. Он стоял неподвижно, и в его лице было что-то новое — не тревога, а та самая тяжёлая собранность, которая появляется, когда шутки кончаются.

— Это уже случалось, — вдруг сказал он, не глядя ни на кого конкретно, будто слова давались ему с усилием. — Не здесь. В другом филиале. В восемьдесят девятом. Там тоже находили камни. И символы. Только не на камнях, а на стенах. И не в одном месте, а по цепочке: от лаборатории к складу, от склада к старому лифту, от лифта к выходу, которого больше нет.

Ира сглотнула.

— И что... что там было?

Цербер медленно опустил планшет.

— Там не было «чего-то». Там было «ничего». В смысле — пустота. В коридорах, где должны были быть шкафы, стояли только камни. В комнатах, где должны были работать люди, были только символы. А люди... исчезли. Не сбежали. Не уволились. Исчезли. Как будто их стёрли из реальности.

Марина почувствовала, как по спине пробежал холодок, и это точно не был сквозняк от вентиляции.

— Ты это серьёзно? — спросила она, и голос прозвучал чуть хрипло, будто она только что долго бежала.

— Серьёзно, — ответил Цербер. — И я не должен был об этом говорить. Это был закрытый отчёт. Но сейчас... сейчас это часть данных. И ты имеешь право знать.

Павел побледнел.

— А почему... почему никто не говорил?

— Потому что в отчётах это называли «массовой дезориентацией персонала» и «сбоем системы учёта», — спокойно ответил Цербер. — А камни и символы списали на «акты вандализма неустановленных лиц». Но я видел фотографии. И видел, как эти символы совпадали с теми, что были в старых чертежах. Как будто кто-то или что-то перерисовывало реальность, а люди просто попадали под этот карандаш.

Марина снова открыла блокнот. Рука дрогнула, и первая строчка вышла чуть неровной: «Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — значит, реальность здесь умеет стирать ластиком. И мы стоим прямо под ним».

Она закрыла блокнот, будто хотела спрятать эту мысль от самой себя.

— Значит, эти камни... — начала Ира, и голос у неё дрожал, — ...они не предупреждают. Они... фиксируют.

— Да, — кивнул Цербер. — Они фиксируют границу. То, что было до, и то, что стало после. И если мы видим их сейчас — значит, граница снова движется.

Марина посмотрела на катушку, на старый экран, на выцветшие надписи на коробках. Ей вдруг стало невыносимо тесно в этом подвале, будто стены начали медленно сдвигаться, как в дурном сне.

— Тогда что мы делаем? — спросила она. — Мы же не можем просто стоять и смотреть, как реальность стирает людей.

Цербер наконец поднял глаза, и в них не было ни тени шутки, ни намёка на лёгкость.

— Мы фиксируем, — сказал он. — Каждый шаг. Каждую тень. Каждый символ. Мы не пытаемся победить это голыми руками. Мы собираем данные, пока они ещё существуют. И держимся вместе. Никого одного. Ни на минуту.

Он сделал паузу, будто каждое слово приходилось вытаскивать из темноты.

— И ещё. Про «Летучего голландца». Это не легенда. Это был мобильный узел наблюдения. Его задача была отслеживать, где граница начинает ползти. Он появлялся там, где реальность «прогибалась», и оставлял метки. А потом... исчезал. Потому что сам попадал под стирание.

Марина вспомнила вагончик на площадке у ТЭЦ, его облупившуюся краску, антенны, которые будто пытались поймать не радиоволны, а само время.

— То есть он... предупреждал, — прошептала она.

— Да. И, возможно, предупреждает до сих пор.

В этот момент старый компьютер издал короткий, резкий звук — будто чихнул. Экран моргнул, и на нём появилась строка, которой раньше не было:

СЕКТОР X: ГРАНИЦА ДВИЖЕТСЯ. ВРЕМЯ ДО СМЕЩЕНИЯ: НЕИЗВЕСТНО.

Никто не шевельнулся. Даже Павел, который обычно первым тянулся к экрану, замер, будто боялся спугнуть эту надпись.

— Это не мы ввели, — тихо сказала Ира.

— Нет, — подтвердил Цербер. — Это система сама. Или то, что управляет системой.

Марина сжала блокнот так, что пальцы побелели.

— Ладно, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Значит, у нас есть задача. Мы не ищем призраков. Мы ищем способ остановить это смещение. И если для этого нужно разобрать каждую коробку, прочитать каждую строчку, прослушать каждую ленту — мы это сделаем.

Цербер кивнул.

— Хорошо. Тогда начнём с главного. С того, кто вёл эти записи. Нам нужно имя. Адрес. Любые следы. Потому что если кто-то знал, как с этим бороться, он должен был оставить инструкцию. Даже если она зашифрована под обычный отчёт.

Они начали разбирать коробки. Пыль летела облаками, этикетки отслаивались под пальцами, папки раскрывались, как старые раны. И в одной из них, почти на самом дне, Марина нашла пожелтевший лист с выцветшей подписью:

«Руководитель группы: Д. В. Костин. Сектор X. Контакт: личный архив, комната 12А (не числится в планах)».

Она подняла глаза на Цербера.

— Комната, которой нет в планах, — прошептала она. — Как дверь, которой нет в стене.

— Именно, — сказал Цербер. — Значит, мы идём туда. Даже если её не существует.

Когда они поднялись наверх, воздух показался Марине слишком ярким, слишком резким, будто реальность, в которую они вернулись, была лишь тонкой плёнкой, натянутой поверх чего-то более тёмного.

На улице ветер гнал по асфальту сухие листья, и на секунду ей показалось, что листья складываются в тот самый символ: перевёрнутую «Т» с точкой наверху. Но она моргнула — и узор рассыпался.

— Ты в порядке? — тихо спросил Цербер, заметив, как она застыла.

— В порядке, — ответила Марина, но сама себе не поверила. — Просто... я только сейчас поняла. Мы думали, что это шутки. Или сбой. А это серьёзно. По-настоящему серьёзно.

Цербер не стал её успокаивать пустыми словами.

— Да, — просто сказал он. — Теперь ты знаешь.

И этого было достаточно.

Глава 11. Голос в вентиляции

Марина шла по коридору, и собственные шаги казались ей слишком громкими — будто она не просто шла, а отбивала ритм, который кто-то должен был услышать. И, возможно, уже слышал.

После того как в подвале архива на экране появилась строка «СЕКТОР X: ГРАНИЦА ДВИЖЕТСЯ», Цербер настоял: никого одного. Ни на минуту. Но Марина всё-таки ускользнула. Ненадолго. На пять минут.

— Я только гляну на вентиляцию у третьего поворота, — сказала она, стараясь, чтобы это звучало как обычная проверка оборудования. — Там датчик температуры последние дни врёт. Надо глянуть.

Цербер посмотрел на неё так, будто видел не только слова, но и то, что за ними пряталось.

— Пять минут, — повторил он. — И по рации. Если не ответишь — я иду за тобой.

— Договорились, — кивнула Марина и свернула в боковой коридор, где лампы горели реже, а тени лежали гуще, будто копили темноту про запас.

Она дошла до решётки вентиляции, присела, достала из кармана маленький фонарик и направила луч внутрь короба. Пыль кружилась в свете, как крошечные звёзды в сломанной вселенной.

И вдруг из глубины шахты донёсся шёпот. Тихий, ровный, будто ветер, который научился говорить.

— 59.8732, 30.2411, — прошептал голос. — 59.8732, 30.2411.

Марина вздрогнула и отпрянула, но тут же заставила себя вернуться. Она не верила в голоса. Но она верила в координаты.

Потому что координаты можно измерить. Их можно проверить по карте. Их можно сверить со спутниковыми снимками. Координаты — это наука. Даже если их шепчет пустота.

Она достала блокнот и вывела цифры твёрдым, почти злым почерком, будто хотела этим жестом вернуть им статус данных, а не мистики.

«59.8732, 30.2411 — не голос. Это сигнал. А сигналы мы анализируем».

Под этим она приписала:

«И если это ловушка — пусть. Я всё равно проверю. Потому что не проверять — это страшнее».

Рация тихо пискнула.

— Марина, приём, — голос Цербера звучал ровно, но в этой ровности чувствовалась натянутая струна. — Ты на месте?

— На месте, — ответила она, стараясь говорить спокойно. — Вентиляция у третьего поворота. Датчик... нестабилен.

— Не задерживайся, — сказал он. — Здесь Ира нашла ещё одну метку. На трубе. Символ тот же.

— Поняла, — кивнула Марина, хотя он не мог её видеть. — Сейчас вернусь.

Но она не вернулась. Потому что шёпот прозвучал снова, прямо над ухом, хотя рядом никого не было:

— 59.8732, 30.2411. Это точка. Точка входа.

Марина сжала фонарик так, что побелели костяшки пальцев.

— Это не вход, — прошептала она. — Это координаты. Просто цифры.

Она встала, быстро пошла обратно, но на перекрёстке остановилась. Потому что поняла: эти цифры она где-то видела. Не в отчётах. Не в картах. А в старых планах здания — в примечании мелким шрифтом на полях, которое она сначала приняла за опечатку.

«Точка привязки системы мониторинга. Резервный контур. Не использовать без санкции».

Марина достала телефон, открыла спутниковую карту, вбила координаты.

Точка пришлась ровно на заброшенный флигель старой котельной — тот самый, который стоял на отшибе, за ржавым забором, и официально считался снесённым ещё в 2003 году. Но на свежих снимках флигель был. Стоял. Будто кто-то аккуратно подтёр его из документов, но забыл стереть из реальности.

В этот момент рация снова пискнула:

— Марина, ты где? — в голосе Цербера впервые прорезалась тревога.

— Иду, — ответила она. — Но... я знаю, куда ведут эти координаты.

— Куда?

— К флигелю старой котельной, — сказала она. — К тому, которого нет в документах.

На том конце провода повисла короткая, тяжёлая пауза.

— Ты туда не пойдёшь, — твёрдо сказал Цербер. — Мы пойдём вместе.

— Но если я сейчас не пойду, — тихо ответила Марина, — я всю оставшуюся жизнь буду думать, что могла проверить, а не проверила. А это хуже страха.

Ещё одна пауза. Длиннее.

— Ладно, — наконец произнёс Цербер. — Тогда так. Ты не идёшь одна. Ты идёшь, но мы выезжаем прямо сейчас. Я беру Иру, Павла и всё оборудование, которое влезет в машину. И мы встречаемся у главного выхода через три минуты. Ни секундой позже.

— Три минуты, — повторила Марина. — Договорились.

Через три минуты они стояли у главного входа: Цербер с сумкой, набитой датчиками, Ира с термосом и пачкой стикеров («На всякий случай», — пробормотала она), Павел с каким-то старым компасом, который, по его словам, «чувствует аномалии».

Машина выехала со двора, фары выхватывали из темноты куски асфальта, ржавые заборы, старые деревья, чьи ветви тянулись к дороге, как руки, пытающиеся что-то удержать.

Когда они подъехали к флигелю, Марина увидела, что забор не просто ржавый — он был сдвинут, будто кто-то недавно проходил здесь и не стал возиться с замком, а просто отодвинул секцию в сторону.

Цербер первым вышел из машины, держа сканер наготове. Прибор тихо пищал, и стрелка на экране дёргалась, будто пыталась вырваться из корпуса.

— Здесь аномалия, — сказал он, не глядя на остальных. — Сильная.

Они подошли к двери флигеля. Краска облупилась, петли скрипели даже от ветра. Марина протянула руку, взялась за ручку.

— Подожди, — тихо сказал Цербер.

— Нет, — покачала головой Марина. — Я должна. Потому что это не мистика. Это данные. И если там есть что-то, что может объяснить, почему реальность стирает людей, — я должна это увидеть.

Она повернула ручку. Дверь со скрипом открылась.

Внутри было темно. Но не пусто.

Посреди комнаты стоял старый пульт с мигающими лампочками. А на стене, прямо над ним, был выжжен тот самый символ: перевёрнутая «Т» с точкой наверху.

И прямо над пультом, из динамика, тихо, но отчётливо прозвучало:

— Привязка установлена. Точка входа активна. Ожидание оператора.

Ира тихо охнула. Павел попятился. Цербер шагнул вперёд, прикрывая собой остальных.

А Марина, глядя на пульт, вдруг поняла одну вещь:

Она не боялась. Потому что страх был бы, если бы это было необъяснимо. А здесь были координаты. Были метки. Были протоколы.

Это была чужая, странная, пугающая система — но это была система. А системы можно изучать.

Она подошла к пульту, достала блокнот и написала:

«Это не мистика. Это ошибка измерения. Но если это не ошибка — значит, кто-то очень давно построил здесь дверь. И теперь она хочет, чтобы её открыли. Что ж. Я готова измерить, сколько весит эта дверь».

Она протянула руку и нажала первую кнопку.

Лампочки на пульте вспыхнули ярче. На маленьком экране появились новые цифры:

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 12 %. ТОЧКА ВХОДА: АКТИВНА. ОЖИДАНИЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Цербер быстро подошёл к ней, не сводя глаз с экрана.

— Что ты сделала?

— Запустила протокол, — спокойно ответила Марина. — Или то, что от него осталось. Но я не вводила никаких команд. Я просто... подтвердила, что я здесь.

Из вентиляции снова донёсся шёпот, но теперь он звучал не как угроза, а как продолжение фразы:

— Никта.

На экране пульта вспыхнула новая строка:

ОПЕРАТОР ПРИЗНАН. ДОСТУП РАЗРЕШЁН.

И в этот момент пол под ними слегка дрогнул, будто здание глубоко вздохнуло, просыпаясь после долгого сна.

Глава 12. Подвал, который не числится

Флигель старой котельной будто выдохнул, когда они вошли: из щелей потянуло затхлым воздухом, в котором угадывались запахи пыли, старой проводки и чего-то ещё — тяжёлого, словно память, которую слишком долго хранили в темноте.

Марина стояла на пороге, вглядываясь в полумрак, и чувствовала, как привычная уверенность, её броня из фактов и расчётов, становится тоньше. Но она не собиралась её снимать. Просто поддела под неё ещё один слой — любопытство.

— Здесь что-то есть, — тихо сказала она, скорее себе, чем остальным. — Не просто заброшка. Здесь... система.

Цербер молча кивнул и включил сканер. Прибор тихо пискнул, стрелка дёрнулась и замерла на красной отметке.

— Аномалия, — констатировал он. — Локальная. Сильная. Как будто само пространство здесь... прогнулось.

Ира, не выпуская из рук термос, осторожно заглянула за угол.

— Тут лестница вниз, — прошептала она. — В подвал. Очень старая.

Павел, который до этого стоял, будто примерзнув к полу, вдруг оживился.

— Подвалы, которых нет на планах, — это классика, — пробормотал он. — В каждом уважающем себя НИИ есть такой. Его либо забыли нанести, либо специально стёрли.

— Либо он сам не хочет быть на плане, — добавила Марина, и от собственных слов ей стало одновременно жутко и... правильно. Как будто она наконец назвала вещь своим именем.

Она шагнула к лестнице. Ступени были из грубого бетона, местами раскрошившегося, а перила — из ржавого металла, который скрипел, даже когда на них никто не опирался.

Спустились гуськом, держа фонари так, чтобы свет не разбивался на осколки в темноте, а стелился по стенам, как осторожная рука.

Внизу оказался коридор. Узкий, низкий, с низким потолком, где даже Цербер был вынужден слегка пригнуться. Стены были выложены кирпичом, но не тем, из которого строили флигель. Этот кирпич был старше. Темнее. Будто его взяли с какой-то другой стройки — или из другого времени.

А на стене, прямо напротив лестницы, висела табличка. Простая металлическая пластина, потемневшая от времени, с выцветшими буквами: «Комната 12А. Доступ по разрешению Сектора Х».

Марина провела пальцем по буквам. Краска осыпалась, как сухая кожа.

— Комната, которой нет в планах, — прошептала она. — Костин писал про неё.

— Значит, она и не должна быть на планах, — спокойно сказал Цербер. — Если она — узел.

Они двинулись дальше. Коридор петлял, будто не хотел вести их прямо, а пытался запутать. И в одном месте, где свод был особенно низким, Марина заметила на кирпиче выцарапанный символ: не перевёрнутую «Т», а что-то другое — спираль, обвивающая остриё копья.

— Это не наш символ, — сказала она, наклоняясь ближе. — Это... другое.

Павел уставился на рисунок, будто увидел старого знакомого.

— Это кельтский знак, — выдохнул он. — Почти уверен. Похоже на стилизацию под символы, связанные с Морган.

Марина подняла на него усталый взгляд.

— С кем?

— Морган, — повторил Павел, и в его голосе вдруг зазвучал тот самый лекторский тон, который он обычно приберегал для историй про городские легенды. — Кельтская богиня

судьбы, войны и... перемен. Её часто изображают с воронами, с копьями, с символами перекрёстка. Говорят, она появляется там, где реальность колеблется. Где решается, какой путь выбрать. Где граница между «было» и «станет» становится тонкой.

Ира нервно хихикнула, но тут же прикрыла рот ладонью.

— То есть ты хочешь сказать, что кто-то из учёных в девяностых увлекался кельтской мифологией и метил стены в честь богини войны?

— Не обязательно увлекался, — возразил Павел. — Может, это был язык описания. Когда у тебя нет терминов для того, что происходит, ты берёшь старые слова. «Судьба». «Война». «Перемены». И привязываешь их к явлениям, которые не вписываются в формулы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.